

ПРОТИВОТАНКОВЫЕ БУТЫЛКИ

**Виталий ДОВГОПОЛ,
доктор технических наук**

В начале Великой Отечественной войны для обороны потребовалось очень много обыкновенного белого фосфора.

Его хранили и перевозили в металлических сосудах... под водой. Потому что он не растворим, а на воздухе легко окисляется и самовоспламеняется, образуя густой белый дым. Именно это свойство белого фосфора используется в зажигательных боеприпасах (снарядах, авиабомбах, гранатах, трассирующих пулях, зажигательных бутылках) и дымообразующих средствах для маскировки местности и войск. Во время войны фосфор входил в первый десяток (под № 7) важнейших веществ.

Обычно элементарный фосфор получали в закрытых электрических печах из фосфоритной руды, путем его восстановления углеродом. Пары фосфора отводились и конденсировались под водой, превращаясь в воскообразную массу. Началась война, использование такого способа производства было ограничено из-за не-

хватки электрических печей и электроэнергии. И тогда сработала русская смекалка. Metallурги и химики России предложили и освоили уникальное производство фосфора — в доменных печах. Ранее нигде в мире такой способ не применялся.

Большой знаток фосфорной промышленности академик С. И. Вольфович так отзывался о находчивости уральцев: «Эти опасные и трудные работы вызывали и до сих пор вызывают восхищение специалистов».

По распоряжению Совнаркома на Нижнесергинском и на Верхнесинячинском металлургических заводах белый фосфор производили все годы войны.

Пары фосфора просачивались в окружающую среду, загрязняя ее. Производство было весьма вредным, работали в противогазах. Рабочая смена длилась шесть часов, бригады менялись ежемесячно, выходя на отдых и лечение. Работа шла совершенно секретно.

В организации производства элементарного фосфора в доменных пе-

чах уральским металлургам оказали помощь сотрудники НИИУИФ — научно-исследовательского института удобрений и инсектофунгицидов (Москва). И также доменщики Уральского института черных металлов под руководством инженера К. М. Макриевича, который после войны работал преподавателем металлургического факультета Уральского политехнического института. Он часто рассказывал студентам такой случай. Однажды зимой он ехал поездом из Верхней Синячихи и спал на верхней полке неосвещенного вагона. В темноте валенки его испускали бледный свет. Заметив это, пассажиры разбудили светящегося попутчика. И сообщили ему, что у него горят валенки. Он их успокоил: это огонь, но холодный...

Во время Великой Отечественной войны белый фосфор широко применялся в бутылках с зажигательной смесью. Они использовались в первый период войны, в оборонительных боях, для борьбы с фашистскими танками, когда у Советской Армии еще не было достаточного количества противотанкового оружия. Во время обороны Сталинграда только за 5 месяцев 1942 года перед наступлением наших войск было применено 150 тысяч бутылок с уральской начинкой.

ВРАЧ КОНЦЛАГЕРЯ «УМАНЬСКАЯ ЯМА»

**Леонид СУРИН,
краевед**

«Уважаемые товарищи,— писала в уральский город Юрюзань Мария Михайловна Мельниченко, бывшая связная и разведчица партизанского отряда.— Я обращаюсь ко всем, кто знал майора медицинской службы Акшенцева. Он был среди тех, кто активно боролся с фашистами в тяжелейших условиях концлагеря...»

На письмо разведчицы ответил сам Владимир Иванович Акшенцев, рентгенолог медсанчасти Юрюзанского механического завода. «Уважаемая Мария Михайловна! Ничего героического в Великой Отечественной войне я не совершал. Делал свое обычное дело...»

Вскоре в Юрюзань из украинского города Умани почта доставила новое письмо. «Уважаемый Владимир Иванович! Вы не можете себе представить, как я рада, что Вы живы и откликнулись,— писала Мельниченко.— О Вас мне рассказал один из тех, кому Вы помогли вернуться к жизни.

Этот товарищ тоже из 507-го

корпусного артполка. Он был тяжело ранен, в «Яме» начал слепнуть, ему грозил паралич. Поэтому он считает счастьем, что встретил Вас, комиссара Давнего и заместителя командира полка Самарина. Он рассказал, что Вы, как могли, в тех тяжелейших условиях лечили раненых, а Давний и Самарин, переодетые, числились при Вас санитарями. Однажды комиссар сказал ему, что в лагере есть организация, связанная с местным подпольем, и что через подпольщиков его обязательно вынесут из «Ямы».

И действительно, когда немцы пошли кормить овчарок и завтракать, к оставшемуся на вышке часовому подошли три девушки, «заговорили» его, отвлекли внимание. А в это время к проволоке, незаметные, подошли еще двое. Вы с «санитарями» подвинули раненого под первый ряд проволоки, а девушки вытащили его из-под второго ряда, перенесли в село. Там раненого выходили. Поправившись, лейтенант добрался до Бе-

лоруссии, стал командиром партизанского отряда, а после войны учительствовал.

Вот такие, дорогой Владимир Иванович, Ваши «крестники». Вы не просто исполняли долг врача...»

А потом в дом Акшенцевых пришло письмо из Минска. Написал его Владимир Васильевич Кадышев, ныне персональный пенсионер. Он-то и был тем самым лейтенантом-артиллеристом, которого лечил в гитлеровском концлагере «Уманьская яма», а затем помог выбраться на волю военврачу третьего ранга Акшенцеву.

И это письмо не единственное. Писали Владимиру Ивановичу спасенные им Арон Абрамович Спарбер из Одессы, Степан Иванович Казанцев из Челябинска... Его Акшенцев спас и выходил в фашистском концлагере «12-А» в Лимбурге, когда Казанцев больной и истощенный был на грани отчаяния и уже потерял всякую надежду выжить.

После войны он работал в Челябинске сталеваром. Умер в прошлом году.

г. Юрюзань